

Его я узнал не из книжки,
Жестокое слово – «война»!
Прожекторов яростной вспышкой
К нам в детство ворвалась она,
Смертельными тоннами стали,
Сиреной тревоги ночной.
В те дни мы в войну не играли –
Мы просто дышали войной...

А.Иоффе

Побеседовать с профессором Казанского университета Эмилией Балалыкиной, семья которой начало войны встретила в самом центре Ленинграда, мне удалось два года назад. Наш разговор был посвящен 70-летию со дня снятия блокады города, и опубликованное интервью вызвало небывалый отклик у читателей. Во многом это произошло благодаря тому, что статья затронуло тему военного детства – тему, к которой общественность обращалась и обращается намного реже, чем к описаниям героических подвигов солдат и офицеров, в то время как возможность посмотреть на войну глазами ребенка может дать человеку еще больше для понимания и объективной оценки военных событий.

Как же выживали малолетние граждане во времена царствования жестокости, насилия и смерти? Предлагаю перенестись мысленно в лето 1941 года и взглянуть на Великую Отечественную войну глазами четырехлетнего ребенка.

– 22 июня 1941 года я, ещё маленькая, была на даче со своим

детским садом под Ленинградом. Маму вызвали в районную администрацию и велели немедленно собрать нам с братом все вещи и вышить на них наши инициалы, – начинает свой рассказ Эмилия Балалыкина. – Мама в слезах всё это сделала за один день, нас привезли в Ленинград и вместе с воспитательницей детского сада отправили на вокзал для эвакуации в городок Некоуз Ярославской области. Этот адрес сообщили всем родителям нашего детского сада. Детей отправили одних. Отец уже был на фронте. Я до сих пор помню, как нас вели по платформе вокзала, а милиционеры стеной отгородили нас от кричащих и рвущихся к нам матерей. Мама всегда не любила за это Косыгина (*24 июня 1941 года Алексей Николаевич Косыгин был назначен заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР – прим. Ред.*), который руководил эвакуацией людей и, прежде всего, детей из Ленинграда. Я смутно помню, как мы, плача и спотыкаясь, шли по этой платформе парами. А мама через сплетенные руки и головы милиционеров кричала нам с братишкой вся в слезах: «Я скоро приеду, не теряйтесь, помните имя свое, дорогие мои!»

- В книге «Живая память. Воспоминания детей войны» Вы очень подробно описывали бомбежку под Пушкино. Историческую справку об этом событии найти очень тяжело. Расскажите, что же там происходило?

- Под Пушкино началась бомбежка, и все эшелоны с детьми и красными крестами на крыше вагонов немцы начали обстреливать и бомбить сверху. Воспитательница выбрасывала нас из вагонов на землю, в грязь и глину под страшный шум разрывавшихся бомб и вой сирен. Я только помню, что даже не могла плакать от ужаса, все сильнее зарываясь в придорожную грязь. Все мокрые и грязные после бомбежки мы снова все, рыдая и всхлипывая от ужаса, поехали дальше, не зная тогда ещё, что несколько эшелонов немецкие самолеты разбомбили, и погибло несколько тысяч детей. Когда эта весть достигла Ленинграда, каждая мать подумала, что погибли именно её дети, и рыданиям и страданиям матерей не было конца...

- Вы сказали, что детей повезли в Некоуз?

- Да, мы очень долго добирались туда из Ленинграда, нас везли в теплушках. Все двигалось в сторону фронта, теплушки останавливались на каждой станции, в маленьких деревушках, в чистом поле... Я помню, что подходили жители и что-нибудь нам приносили: кто хлеба, кто яблочко... В Некоуз мы добрались только осенью, поселили нас в детском доме, и первое, что там произошло со мной, – я заболела брюшным тифом. Удивительно, что я выжила при этом. Смутно помню, что рядом, впритирку друг к дружке, стояли кровати, и когда я утром просыпалась и протягивала руку к соседней кровати, чувствовала, что там лежит кто-то уже мертвый. Ужаса от того, что я умру, у меня не было, потому что больше всего на свете мне хотелось есть. Это желание превалировало над болезнью и слабостью. Болели в детдоме мы постоянно: то чесотка, то ветрянка... Несмотря на ужасное самочувствие, болеть нам очень нравилось, потому что тогда нас отводили в отдельную медицинскую комнату и лучше кормили.

На территории Некоузского района находилось более десятка детских домов с детьми блокадного Ленинграда.

Всего в опубликованных списках значатся более 1000 фамилий маленьких ленинградцев

- Неужели люди, проживающие рядом, не помогали эвакуированным ребятишкам?

- Нас свободно выпускали бродить по городку, он был как деревня – очень маленький. Мы, прилипнув к окну соседнего хлебного магазина, жадно смотрели, как по карточкам людям выдавали хлеб. Они, конечно, увидев наши жадные глаза, очень редко, но отламывали и давали нам хотя бы корочку. В детском доме нас кормили, но очень плохо. Многие дети сильно болели и даже умирали. Часто жители села приходили к нам и что-нибудь приносили: кто яблочко, кто морковку, поэтому мы всегда с нетерпением и ждали проходящих к нам людей.

У нас в университете заведующим кафедрой литературы был Валерий Николаевич Коновалов, знаменитый профессор и чудесный человек, Он был из Ярославля и рассказывал, что, когда был совсем маленьким, они с бабушкой приезжали из Ярославля в Некоуз и приносили нам, детдомовцам, что-либо из еды: морковку, печеную картошечку или еще что-то.

- Детская память удивительна, порой вспоминаются такие неожиданные жизненные ситуации. А какой эпизод из того времени особенно врезался в Вашу память, может быть, был яркий счастливый момент?

- Один такой эпизод я помню хорошо. Мы бродили по улице нашего городка и увидели железную тележку – на таких тогда продавали мороженое. Очередь была небольшая. Я подошла и стала жадно смотреть, как другие дети едят мороженое. Мальчик, лет

девяти, заплатил за мороженое, и продавец ему его протянул, но в этот момент мальчика кто-то окликнул. И тут я со всего размаху, рывком - откуда только силы взялись! - выхватила мороженое из рук продавца и побежала. Мальчик побежал за мной, а я это мороженое – в рот, и это было чувство настоящего счастья! Мальчик меня догнал, повалил, я упала в пыль, он меня лупил, а мне было все уже всё равно, во рту был чудесный, сказочный вкус мороженого... Именно этот эпизод до сих пор ярко сохранился в моей памяти.

- Давайте вернемся к теме блокады Ленинграда. Что происходило с мамой после Вашего отъезда?

- Когда нас отправили в эвакуацию, ее мучил вопрос: почему не разрешили матери, у которой двое маленьких детей, выехать с ними? Очень многие боялись отдать детей и оставили их в городе, где они позже умирали от голода. Маму, сразу после того, как разлучили с нами, отправили рыть окопы за 30 километров от Ленинграда, но блокады еще не было. Она рассказывала: «Роем мы окопы, женщины и пара стариков, а со всех сторон уже немцы на мотоциклах катят в сторону Ленинграда. Почему они нас не расстреляли, не знаю».. Вероятно, немцам было просто не до женщин и стариков. Но один немецкий солдат все же навел на них автомат и согнал всех в какой-то сарай, где их посадили вдоль стенки. При этом солдат этот пустил из автомата очередь над головами беззащитных людей. Мама в тот момент впервые почувствовала, как в жилах застывает кровь.

- Как Ваша мама добралась до Ленинграда?

- Ночью женщины и старики вырыли подкоп и выбрались из сарая. По болотам, через леса тридцать километров они шли под гром и разрыв снарядов в Ленинград. Среди них был старик с палочкой, он уже не мог идти, и его пришлось нести чуть ли не на руках.

Когда они дошли наконец-то до Ленинграда, началась блокада.

- Много написано книг о том ужасном времени, когда люди героически выдерживали нечеловеческие условия жизни, но блокадники утверждают, что многое до сих пор умалчивается. А что рассказывала Ваша мама?

- Мама рассказывала, что они постоянно были на крышах, ловили фугасы. Отопления не было, и мама со своей родной сестрой поставили в центре нашей комнаты буржуйку и топили эту печь книгами. Папа у меня очень большой любитель чтения, книг у нас было много. Когда все книги сожгли, начали жечь мебель. Им выдавали по талонам ежедневно по 50 граммов хлеба, и это была вся еда. Муж тети медленно умирал от голода. Когда он умер, они завернули его в простынь и повезли на санках на Пискаревское кладбище...По дороге они несколько раз падали в снег от изнеможения.

Самое страшное это было ходить за водой на Неву. Сил дойти до реки, зачерпнуть воды из ледяной проруби еще хватало, а как нести ведро? На буржуйке они кипятили воду, варили в ней все, даже папины ремни от брюк, даже клей для обоев, потому что от него что-то там было питательное, как они считали. Ленинградцы ели все, что попадалось им в городе. И даже кошек, собак, птиц.

- Может, мама рассказывала Вам о чем-то необычном, что ей случилось увидеть?

- Ей очень хорошо запомнился один эпизод. Она брела по улице и вдруг увидела, что перед ней идет мужчина, а в сетке у него одна луковица. От увиденного у нее даже помутилось в голове. Так ей хотелось съесть хотя бы кусочек этой луковицы, что она тупо побрела за ним! А он тоже еле-еле шел, но она все же догнала его, протянула руку, попросила: «Дайте» и тут же потеряла сознание.

Еще она вспоминала, что немцы на самолете спускали - специально, чтобы отравить людей, - огромные мешки с надписями «Мука» или «Сахар». Люди шли и видели, как опускается на землю с самолета огромный мешок со съестным. А по радио предупреждали жителей города, чтобы они не трогали эту отравленную еду. Мама помнила, как одна женщина в отчаянии крикнула: «Пусть я умру, но больше так не могу, я буду есть!» Некоторые жители действительно не выдерживали, пробовали эту еду и умирали. Вот это был кромешный ад..

У мамы были опухшие от голода ноги, но надо было идти на крышу ловить эти фугасные бомбы, чтобы спасти город. По радио жителей призывали препятствовать разрушению Ленинграда и держаться изо всех сил. Все ленинградцы надеялись на то, что им скоро помогут, спасут. А сами они защищали город, как могли, - гасили бомбы, покрывали мешками с песком памятники и различные сооружения, чтобы их не видно было с самолетов.

- Всем известно, что основная надежда ленинградцев была связана с «Дорогой жизни». Что ваша мама рассказывала об этом?

- Да, по «Дороге жизни», по Ладожскому льду к ним пытались пробиться машины с продуктами. Но лед был иногда очень тонкий, сверху немцы бомбили машины, и часто все это уходило на дно. Сильных морозов и крепкого льда на озере ленинградцы ждали с большим нетерпением.

- Как вашей маме удалось найти вас с братом?

- В конце 1943 года по «Дороге жизни» на Большую землю начали вывозить в первую очередь матерей, у которых есть маленькие дети. Нашу маму тоже вывезли из Ленинграда. К тому времени она сильно опухла от голода, но ходить еще кое-как могла. И вот где по шпалам, где на попутной машине, где на лошадях в марте 1944 года мама добралась до Некоуза. Когда она пришла в детский дом, мы сначала её не узнали. Я до сих пор помню, как она зарыдала. Мы были остриженные наголо, синие, худые,

практически качались от болезней и голода. Но мама рыдала от счастья, что нашла нас живыми, ведь она тоже думала, что мы могли погибнуть еще тогда, во время бомбежки под Пушкино.

- Куда же она повезла вас дальше?

- Она нас повезла к бабушке в Нижний Тагил на перекладных. Там был тыл, у бабушки был свой домик, и главное – была коза, благодаря молоку которой мы выжили. Я помню слова бабушки в тот момент, когда мы вошли в ее дом. Она, рыдая, сказала: «Боже мой! Лапшички, я сейчас сделаю лапшички». Я запомнила это на всю жизнь, бабушкина лапшичка на тот момент казалась мне царской едой! В бабушкином доме поселились эвакуированные из разных городов, и все комнаты были заняты. Мы жили в одной только комнате вместе с козой, и это было счастье.

Дети в Тагиле, на нашей улице, 3-ей Комсомольской, я это очень хорошо помню, играли только в войну. Одна часть улицы – будто бы немцы, другая – наши. Никто не хотел быть немцами, но договаривались быть ими по очереди. Дети кидались снежками и устраивали битвы друг с другом. Всей улицей мы, дети, обсуждали, что будем делать, если в Тагил придут немцы, и придумывали, как будем сражаться с ними и где будем прятаться от них. Близилась к концу война, вскоре она закончилась, и в 1945 году, сразу после войны, моего отца отправили в Литву, на работу, восстанавливать разрушенное хозяйство республики.

- Вы, наверное, помните тот день, когда была объявлена долгожданная Победа над Германией? Каким он был и что он значит для Вас сейчас?

- В день Победы мы еще жили в Тагиле у бабушки. Утром прибежала соседка с радостным криком: «Вставайте все, победа!». Все жители нашей улицы, 3-ей Комсомольской, выбежали из домов, люди обнимались, целовали друг друга и плакали

навзрыд. У всех, конечно, на тот момент кто-то погиб, почти в каждом доме побывала похоронка.

Люди вынесли прямо на улицу деревянные столы, заставили их всем, чем могли из еды, и мы с братом так радовались! Вина тогда не было, в домах делали какую-то бормотуху или гнали примитивный, из картофельных ошурок, самогон, и все это тоже вынесли на общий стол. А праздновал победу кто? В основном женщины. Они друг друга уговаривали: «Твой муж вернется, вот увидишь!». Плакали и те, кто получил похоронки, и те, кто их ещё не получил и надеялся на чудо. Все кричали наперебой «Победа! Победа!», поздравляли друг друга, обнимались и целовались.

Мы, дети, тоже ощутили необыкновенную радость, разожгли костер и стали вокруг него прыгать. Все были как одна семья, и я до сих пор помню эти необыкновенные чувства, сердечные, почти родственные отношения друг к другу, сейчас такое, к сожалению, уже ушло из нашей жизни. Бабушка все время плакала и приговаривала: «Наконец-то победа, как теперь мы хорошо будем жить, какое это счастье!» Но у неё тоже погиб сын, сгорел в танке, мой родной дядя, которому было всего 20 лет.

- Вы упомянули, что после войны уехали в Литву. Почему именно туда?

- Когда закончилась война, папа спросил у мамы, хочет ли она вернуться в Ленинград? Но она с таким ужасом вспоминала блокаду, что ответила «Нет». Слишком живо ещё в памяти было, как умирали соседи, дети, как отвозили их на Пискаревское кладбище, как хоронили близких людей.

Папу отправили в Литву потому, что он был литовец и коммунист, и к тому же имел отношение к СМИ, так как в Ленинграде окончил Институт связи.

Когда мы приехали в Вильнюс, на нашей улице был целым только

один наш дом, все остальные были разрушены. Папе предложили выбрать в нем любую квартиру. Все поселившиеся здесь наши соседи были либо литовцы, либо поляки, во дворе нашего дома оказалось достаточно много их детей, поэтому мы довольно быстро заговорили и по-литовски, и по-польски.

Отец начал работать директором издательства «Советская Литва», «Tarybų Lietuva». На нашей улице были сплошь разрушенные дома, и нам, детям, это очень нравилось, так как среди руин много всего можно было найти, в том числе игрушек. Но некоторые дети взрывались, попадая на невзорванные снаряды, и отец поэтому нам строго запрещал лазить по этим руинам..

- Расскажите о Вашем самом ярком детском впечатлении в послевоенное время?

- Я помню, по нашей улице колоннами водили пленных немцев разбирать завалы разрушенных зданий. А немцы, все замотанные, ободранные, изможденные, страшные, в каких-то полудранных сандалях, такие хилые, что не верилось в то, что они нас какое-то время побеждали. Особенно мне запомнился один эпизод. Вели колонну пленных немцев, я стояла на краю тротуара и жевала кусок хлеба, который мне дала мама. И вдруг худой, непонятно чем-то перевязанный немец протянул ко мне руку и так жалобно попросил по-русски: «Дай». Мне стало его жаль, и я почему-то протянула ему этот кусок хлеба. Тут же ко мне подбежал сопровождающий их солдат с автоматом и крикнул: «Что это такое? Уберите ребенка!» А убрать-то было некому, мама с отцом на работе.

- Как случилось, что Вы оказались в Казани?

- После школы я поступила в Вильнюсский университет и поехала на международную конференцию в Москву. В то время я занималась русско-литовскими лингвистическими связями. Как известно, литовский язык уникален для лингвиста, это удивительно архаичный язык, который сохранил особенности еще индоевропейской поры. Мой будущий муж приехал на эту конференцию в Москву из Казани, где он учился на истфаке в КГУ. Мы познакомились. Я с удовольствием переехала в Казань, где климат был гораздо лучше, чем в дождливом Вильнюсе. А у отца после войны болели и распухли все суставы и ему нужно было поменять климат, хотя он, конечно же, с трудом простился с Литвой. Я перевелась в Казанский университет. Мне очень повезло, что моим научным руководителем был основатель новой Казанской лингвистической школы профессор Марков, удивительно талантливый и очень известный лингвист. Многие наши профессора – его ученики.

- Какими бы Вы сегодня хотели видеть защитников родины?

- Судя по моему отцу, в то время у защитников родины была железная убежденность в том, что они сделают все, чтобы защитить свою страну. Именно такие защитники должны быть всегда. Конечно же, тогда была социалистическая система, мы искренно считали, что «человек человеку друг товарищ и брат», верили в светлое будущее и больше дружили, чем сейчас. Сейчас иное время, даже со своими соседями я как-то уже не так дружу, как мы тогда. В Литве же мы дружили со всеми соседями, хотя были разных национальностей. В прошлом году, в День Победы, я произнесла в университетском лицее проникновенную речь о том, что надо любить своих близких, родину, людей и мир, что надо стараться ради обретения мира находить общий язык как со всеми вокруг, так и в своей душе. Лев Толстой писал в свое время, что «мир людей разъединяет, а война людей объединяет». Это верно, и как война людей объединяет, я видела своими глазами, хотя была совсем маленькой.

Наталья Дорошкевич

**Фото с сайтов санктпетербург.рф, официальный портал
Некоузского района**